

Убеждения, культура и институты как детерминанты развития: анализ альтернативных подходов

В настоящее время убеждения (ценности), культура и институты выдвигаются экономистами в качестве альтернативных детерминант развития и отсталости наций. В то же время вопрос о роли культуры и убеждений в прогрессе и отсталости стран и народов – один из наиболее спорных в современной экономике развития. На этот счет высказываются самые различные, нередко прямо противоположные взгляды. В качестве примера можно привести материалы дискуссии, состоявшейся в декабре 2006 г. в Вашингтоне в Институте Катона [How Much Does Culture Matter?, 2006].

Норт: и культура имеет значение

В последней персональной монографии «Понимание процесса экономических изменений» (впервые издана в 2005 г.) Норт пришел к однозначному выводу о том, что «культурный компонент воздвигнутого людьми здания также является ключевым фактором, определяющим эффективность известных из истории экономик и государств» [Норт, 2010, с. 10].

Культура прочно заняла место творца исторического процесса. Это видно из следующего ее определения: «...Культура общества есть кумулятивная структура правил и норм (а также убеждений), которую мы наследуем из прошлого, которая определяет наше настоящее и влияет на наше будущее» [Там же, с. 20]. В другом месте демонстрируется еще большая приверженность «культурному детерминизму»: «Культурное наследие формирует искусственную структуру (убеждения, институты, инструменты, технологии), которая ... даем нам ключи к динамическому успеху или поражению обществ во времени» [Там же, с. 61].

Сама же культура общества определяется Нортом как «кумулятивная совокупность всех существующих представлений и институтов» [Там же, с. 124]¹. Иначе говоря, культура – это представления (убеждения) плюс институты. Именно такое ее понимание легло

¹ Если следовать концепции двух значений культуры по Дэвиду Тросби, то у Норта речь, разумеется, идет о широком ее значении, которое «задается широкой антропологической и социологической рамкой, позволяющей описывать ряд позиций, убеждений, нравов, обычаев, ценностей и практик, свойственных любой группе» [Тросби, 2013, с. 19].

в основу схемы, изображенной на рис. 1. Таким образом, институты включаются в широкое определение культуры¹. И если «институты имеют значение», то и культура имеет значение.

Исходным элементом, определяющим содержательное наполнение институтов, как показано на рис.1, являются убеждения. «Ключом к построению основ для понимания процесса экономических изменений служат представления и убеждения – как представления и убеждения отдельных индивидов, так и общие представления и убеждения, из которых складываются системы представлений и убеждений» [Там же, 124]. Объясняется это тем, что «мир, который мы создали и пытаемся понять, порожден человеческим разумом и не существует вне этого разума» [Там же].

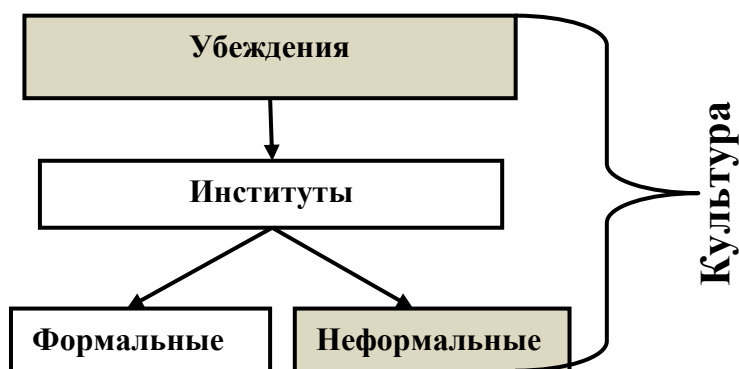

Рис. 1. Культура: структурные компоненты (затененные прямоугольники)

Культура также «представляет собой межпоколенческий перенос норм, ценностей и идей» [Там же, с. 81]. При этом обществу бывает необходимо время от времени давать ответы на новые вызовы и именно «культурное наследие во многих случаях будет определять их успех или неудачу» [Там же, с. 35].

Устойчивость культурного наследия порождает «эффект колеи», который трактуется Нортом как «способ, при помощи которого институты и убеждения, сформированные в прошлом, влияют на нынешние решения...» [Там же, с. 39]. Он указывает на то, что «вопрос о том, в какой степени это культурное наследие «поддается» целенаправленной

¹ В связи с делением Нортом институтов на формальные и неформальные остается открытым вопрос о том, все ли институты стоит включать в понятие «культура»? Напомним, Норт писал, что «формальные институты могут быть изменены официальным решением, а вот то, как изменяются неформальные институты, мы все еще не вполне понимаем и, как правило, не можем манипулировать ими сознательно» [Там же, с. 83]. Сопоставляя это разграничение двух типов институтов с видением культуры Нортом, возьмем на себя смелость утверждать, что культура вбирает в себя только неформальные институты. Она не может быть изменена «официальным решением».

модификации, до сих пор остается малоизученным» [Там же, с. 224]. Однако «оно при любых условиях резко ограничивает наши возможности по осуществлению изменений» [Там же].

Не культура, а институты

Альтернативный взгляд на роль культуры в экономическом развитии представлен в книге Дарона Асемоглу и Джеймса Робинсона (далее – АиР) «Почему страны терпят неудачи?» [Acemoglu, Robinson, 2012]. Культурная гипотеза не отбрасывается с порога. Однако она недвусмысленно выносится на периферию. Согласно АиР, все дело в том, что относящиеся к культуре социальные нормы действительно имеют значение, но в качестве производных от институтов. Так, низкий уровень доверия в обществе не есть независимый фактор, а следствие того, что люди не верят правительствам, не придерживающимся собственных законов и не способным обеспечить непредвзятую судебную систему.

Авторы обращаются к примеру Северной и Южной Кореи. Контрасты между ними не могут обуславливать медленно меняющиеся культурные особенности. Имеющиеся же культурные отличия — не причина разрыва в благосостоянии, а скорее следствие. Что касается Африки, то и тут природа отсталости кроется не в некой «африканской культуре», а в отсутствии стимулов внедрять новые технологии. Высок риск того, что всемогущий правитель экспроприирует весь выпуск или подвергнет его конфискационному налогообложению.

Вспоминая Макса Вебера, АиР не видят связи между религией и уровнем развития. Совершенно очевидно, что успехи ряда стран ЮВА никак не связаны ни с одной из ветвей христианства. Авторы обращаются и к излюбленному региону сторонников культурного детерминизма – Ближнему Востоку. На первый взгляд тот факт, что многие страны региона бедны, а богатые обязаны своим богатством исключительно мировым ценам на нефть и газ, говорит в их пользу. На самом же деле, как считают АиР, ислам тут ни при чем. Решающее значение имеет тот факт, что все они — части бывшей Османской империи, унаследовавшие ее плохие институты. Европейское влияние в регионе тоже делало ставку на эти институты, основы которых во многом сохранились и после обретения независимости [Ibid., p. 61].

АиР касаются и вопроса о «национальной культуре» [Ibid., p. 62–63]. Возможно, именно она, а не религии, имеет первостепенное значение? Однако что изменилось в китайской культуре, в китайских ценностях, вопрошают авторы, когда стагнация на протяжении нескольких веков сменилась быстрыми темпами экономического роста КНР, продолжающегося уже третье десятилетие? А несколько ранее тем же путем прошел Тайвань.

В общем и целом АиР приходят к выводу, что культура — это следствие институтов. Однако определение институтов ими не дается (как, впрочем, и определение культуры). По ходу их рассуждений можно предположить, что они связывают с понятием институтов то, что у Норта в большей степени относится к формальным институтам. И если у Норта институты имеют значение, то у АиР только они и имеют значение. При этом на первый план выходят политические институты. «Политические институты определяют, кто обладает властью в обществе и для каких целей эта власть может быть использована» [Ibid., p. 80].

Дело в том, что эти институты свидетельствуют о способности граждан контролировать политиков и влиять на их поведение. А она, в свою очередь, определяет, будут ли политики агентами граждан (пусть и несовершеннолетними), или же станут постоянно злоупотреблять возложенной на них властью. В первом случае они выстроят полезные для роста экономические институты. Во втором – будут накапливать личные состояния, преследуя, во вред гражданам, свою собственную линию поведения и сознательно создавая для этого неэффективные экономические институты.

В итоге АиР делают следующее заключение о роли экономических и политических институтов: «В то время как экономические институты имеют решающее значение в определении того, будет ли страна богатой или бедной, это политика и политические институты определяют, какие экономические институты страна будет иметь» [Ibid., p. 43].

В центре учения АиР о развитии и отсталости находится деление ими институтов на инклюзивные (*inclusive*) и экстрактивные (*extractive*). Соответственно, экономики стран, где преобладают первые, называются инклюзивными, а те, в которых доминируют вторые – экстрактивными.

Авторы пишут: «С тем, чтобы быть инклюзивными, экономические институты должны гарантировать безопасность частной собственности, непредвзятую систему права и предоставление общественных услуг, которые создают равное игровое поле, где люди могут обмениваться и заключать контракты; они также должны разрешать вход новых бизнесов и позволять людям выбирать их карьеры» [Ibid., p. 74-75].

Инклюзивные экономические институты названы «двигателями процветания». АиР констатируют, что их способность «поощрять технологические инновации, инвестировать в людей и мобилизовать таланты и мастерство большого числа индивидов является решающим для экономического роста» [Ibid., p. 79].

Напротив, экстрактивные экономические институты, согласно авторам, являются таковыми, «потому что они созданы для изъятий доходов и богатства у одной части общества ради выгоды другой его части» [Ibid., p. 76]. В заключительной главе книги о них гово-

рится как об институтах «созданных для извлечения ресурсов у многих немногими и неспособных защищать права собственности или создавать стимулы для экономической деятельности» [Ibid., 430].

Экстрактные политические институты «концентрируют власть в руках узкой элиты и накладывают немного ограничений на ее использование» [Ibid., p. 81]. И тогда экономические институты также выстраиваются этой элитой в своих интересах ради извлечения ресурсов у остальной части общества. Экстрактные экономические институты органически сочетаются с экстрактивными политическими институтами: ведь именно от присутствия последних зависит их выживание.

Экстрактные и инклюзивные институты могут сосуществовать, но это сосуществование непрочно. Экстрактные экономические институты при инклюзивных политических институтах вряд ли в состоянии поддерживать себя сколь-нибудь долго. Аналогично, инклюзивные экономические институты не поддерживают экстрактивные политические институты: либо они трансформируются в экстрактивные к выгоде власть имущих, либо создаваемый ими экономический динамизм дестабилизирует экстрактивные политические институты, заменяя их инклюзивными [Ibid., p. 82]¹.

Подчеркивая историческую преемственность определенного типа институтов, авторы фактически описывают то, что в институциональной экономике называется «эффектом колеи» или зависимостью от пройденного пути. В случае с экстрактивными институтами идея эффекта колеи послужила им базой для создания концепции «порочного круга» (*vicious circle*). Отмечая же «наследственные» (воспроизводимые во времени) качества инклюзивных институтов, АиР выдвинули и обосновали концепцию «благого круга» (*virtuous circle*). Из этих двух концепций и рассмотрения механизма перехода из одного круга в другой складывается их теория глобального неравенства и исторической общественной динамики (подробнее см.: [Заостровцев, 2013]).

От Мизеса к Макклоски: от идей – к риторике

«Идеи творят историю, а не наоборот»
[Мизес, 2005, с. 81]

Австрийская экономическая школа в лице самого выдающегося представителя, – Людвиг фон Мизеса, не только разработала универсальную теорию человеческой дея-

¹ Из всего вышесказанного легко заметить, что АиР просто иными терминами (инклюзивные и экстрактивные институты) обозначают то, что у Норта и его соавторов определяется, соответственно, как социальные порядки открытого и ограниченного доступа [Норт, Уоллис и Вайнгафт, 2011].

тельности (праксиологию), но и смогла на этой методологической основе построить интерпретацию истории.

Понимание истории Мизесом, разумеется, лучше всего представлено им самим.

«История есть летопись человеческой деятельности. Человеческая деятельность – это сознательные усилия людей, направленные на то, чтобы заменить менее удовлетворительные обстоятельства более удовлетворительными. Идеи определяют, что должно считаться более, а что – менее удовлетворительными обстоятельствами, а также – к каким средствам необходимо прибегнуть, чтобы их изменить. Таким образом, идеи являются главной темой изучения истории. Идеи не представляют собой постоянного запаса, неизменного и существующего от начала вещей. Любая идея зародилась в определенной точке времени и пространства в голове индивида. (Разумеется, постоянно случается так, что одна и та же идея независимо появляется в головах разных индивидов в разных точках пространства и времени). Возникновение каждой новой идеи суть инновация; это добавляет нечто новое и прежде неизвестное к ходу мировых событий. Причина, по которой история не повторяется, состоит в том, что каждое историческое событие – это достижение цели действия идей, отличающихся от тех, которые действовали в других исторических состояниях» [Мизес, 2007, с. 200-201].

Итак, из рассуждений Мизеса явно следуют две логических связки: во-первых, человеческую деятельность, творящую историю, определяют идеи; во-вторых, идеи – суть инновации, следовательно, и определяемое ими историческое событие не схоже с другими. В этом факте кроются и причины непредсказуемости истории.

Идеи лежат в основе всего мироустройства. «Идеи порождают общественные институты, политические изменения, технологические методы производства, и все, что называется экономическими условиями» [Там же, с. 167]. Он протягивает цепочку от умонастроений и идей к «социальной, правовой, конституционной и политической атмосфере» (общественным институтам) и уже от них – к технологическому прогрессу (рис. 2):

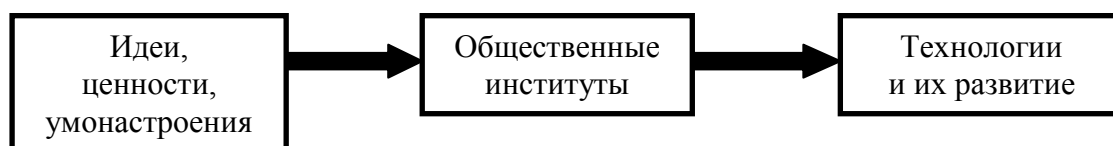

Рис.2. Мизесовская триада (каузальная связь).

Таким образом, человеческая деятельность есть производное от идей; последние являются для нее движущей силой. Поэтому для Мизеса история – это, в конечном счете, история идей.

Взгляды многих современных «австрийцев» в области экономики развития очень близки к воззрениям представителей новой институциональной экономической истории.

Об этом свидетельствует целый ряд работ одного из самых видных приверженцев австрийской школы Питера Беттке и его соавторов [Boettke, Coyne, Leeson, 2013; Boettke, Coyne, Leeson, 2008; Boettke, Coyne, Leeson, Sautet, 2005; Coyne, Boettke, 2006]. Однако они, внося несомненный вклад в развитие теории институтов, не дали ответа на главный вопрос: что движет развитием? В чем разгадка прорыва Запада или, как это сформулировал Норт, «возвышения Западного мира» [North, 2006].

В русле идущей от Мизеса австрийской традиции объяснение этому феномену дала Дейдра Макклоски [McCloskey, 2009]. Эта работа является прямым продолжением ее предшествующего труда из этой серии [McCloskey, 2007]. Макклоски (в ту пору еще Дональд Макклоски) добилась известности как экономист чикагской школы. Однако, как отмечает в рецензии на ее последнюю книгу Джэк Хай, «в 1980-е годы она восстала против конструкций позитивизма в пользу риторического подхода, утверждая, что экономика – это не просто доказательство теорем и статистические выводы, но также аналогии, метафоры и повествование» [High, 2013, p. 347].

Решительный отход от неоклассической традиции привел Макклоски примерно к тем же воззрениям на историю, которых придерживался Мизес. Причиной «возвышения Запада», как пишет Беттке, характеризуя точку зрения Макклоски, оказался «широко распространенный и значительный сдвиг в общественном мнении в отношении жизни и деятельности буржуазии...» [Boettke, 2012, p. 754]. В чем же заключался этот сдвиг?

Произошло то, что Макклоски называет «Буржуазной переоценкой»: «Двойное этическое изменение, придающее достоинство и свободу обычной буржуазной жизни, привело к господству смысла и восприимчивости, благодаря которым мы до сих пор извлекаем выгоду» [McCloskey, 2009, p. 403]. Для нее «современный мир не есть продукт новых рынков и постоянных инноваций, но результат изменившегося отношения к ним» [МакКлоски, 2013, с. 38].

Главу о том, что изменило мир, МакКлоски, верная риторическому подходу, назвала очень просто: «Это были слова» [McCloskey, 2009, p. 385]. Решающей оказалась радикальная перемена в «общественных разговорах» (*public talks*), отражавшая сдвиг в доминирующих идеях и общественном мнении. «Изменения в риторике породили революцию в том, как люди видят себя и как они видят средний класс, Буржуазную Переоценку. Люди стали терпимыми к рынкам и инновациям» [Ibid., p.386]. Когда быть «буржуазным» в глазах общества стало не стыдно, а, напротив, достойно и почетно, был дан старт промышленной революции и современному экономическому росту.

Макклоски констатирует: «Породившие и поддерживающие современный мир причины не были материальными. На удивление, это были идеи, новые экономические

идеи свободы для рядовых людей и новая социальная идея, провозглашающая их достоинство» [McCloskey, 2014]. Риторика же, подхватывающая идеи, служит им чем-то вроде защитной оболочки.

В итоге, опираясь на приведенные выше суждения Макклоски, попытаемся схематически представить ее видение проблемы развития (рис. 3). Все начинается с изменения

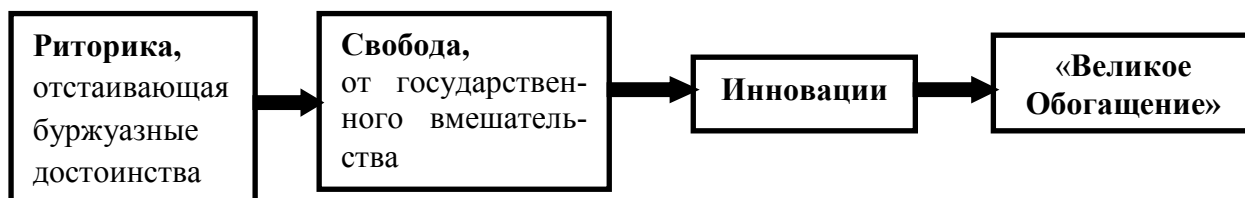

Рис. 3. Развитие по Макклоски

в риторике, которое открывает дорогу свободе, ограничивая государственное вмешательство. Данное ограничение есть условие массового появления инноваций, которые и сделали Запад богатым («великое обогащение»).

Литература

Заостровцев А.П. Об историческо-институциональных причинах отставания в развитии: концепция Асемоглу-Робинсона. Препринт М-34/13. СПб., 2013.

Макклоски Д. Экономика с человеческим лицом, или гуманомика//Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 5. Вып. 3.

Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2005..

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011

Тросби Д. Экономика и культура. М., 2013.

Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. N.Y., 2012.

Boettke P.J., Coyne Ch.J., Leeson P.T. Comparative Historical Political Economy//Journal of Institutional Economics. FirstViewArticles. doi: 10.1017/1744137413000088 , Published online by Cambridge University Press 22 Apr 2013.

Boettke P.J., Coyne Ch.J., Leeson P.T. Institutional Stickiness and the New Development Economics // American Journal of Economics and Sociology. 2008. Vol. 67. N. 2. P. 331–358.

Boettke P.J., Coyne Ch.J., Leeson P.T., Sautet F. The New Comparative Political Economy // The Review of Austrian Economics. 2005. Vol. 18. N 3–4.

Coyne C.J., Boettke P.J. The Role of Economist in Economic Development // The Quarterly Journal of Austrian Economics. 2006. Vol. 9. N 2.

High J. Deidre McCloskey, *Bourgeois Dignity Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago (IL): University of Chicago Press, 2010//Review of Austrian Economics. 2013. Vol. 26. N 3.

How Much Does Culture Matter?URL: <http://www.cato-unbound.org/archives/december-2006>.

McCloskey D.N. *Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago (IL), 2010.

McCloskey D.N. Draft preface for final volume of *The Bourgeois Era*. 2014. URL: <http://www.deirdremccloskey.org/docs/pdf/NewMcCloskeyPreface.pdf>.

McCloskey D.N. *The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce*. Chicago (IL), 2007.

North D. *The Rise of the Western World: a New Economic History*. Cambridge, 2006.